

УДК 930(47)(075.8)

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ В ГОДЫ ПЕРЕСТРОЙКИ: КРИЗИС МАРКСИЗМА И НАЧАЛО МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОИСКОВ¹

С. Г. Басырова

*Кандидат исторических наук, доцент,
Башкирский государственный университет,
г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия*

SOVIET HISTORIOGRAPHY IN THE PERESTROIKA YEARS: CRISIS OF MARXISM AND BEGINING OF METHODOLOGICAL RESEARCH

S. G. Basyrova

*Candidate of historical sciences,
Bashkir State University, Ufa,
The Republic of Bashkortostan, Russia*

Summary. The lecture discussed the methodological aspects of the development of Soviet historical science in the second half of the 1980s – early 1990s. The factors and trends in the development of the crisis of Marxism-Leninism methodology of history in terms of «perestroika». A review of methodological trends of national historiography beginning of the 1990s.

Keywords: methodology of history in the era of «perestroika»; the traditional and critical trends in historiography; the crisis of the Marxism-Leninism methodology of history; the beginning of scientific pluralism.

Коренные изменения, произошедшие в отечественной исторической науке в конце 1980-х – начале 1990-х гг., были вызваны социально-политическими процессами периода перестройки. Они имели всесторонний характер, затрагивали основные аспекты развития исторической науки: взаимоотношения власти и учёных, состояние источниковой базы, проблематику исследований и т. д. Однако среди этих аспектов первенствующее значение для качественно нового состояния науки последующих лет имел кризис марксистско-ленинской методологии истории и попытка его преодоления советскими историками.¹

Обновление исторической науки в русле преобразований эпохи «пере-

стройки» первоначально не связывали с обновлением теории и методологии, тем более с отказом от марксизма-ленинизма. Идеологическим обоснованием первых этапов преобразований, как известно, стала идея совершенствования социализма, улучшения его экономических, политических институтов, поэтому в русле политики «гласности» в 1986–1988 гг. советские обществоведы под влиянием мероприятий власти стали разворачивать критику различных проблем общественной жизни, корни которых зачастую уходили в прошлое. Обсуждение ранее закрытых тем побуждало общество к переоценке прошлого и постановке новых задач в его познании. Речь шла о критике догматизма, схематизма изображения прошлого, а также необходимости «объективного», «подлинно научного» рассмотрения отечественной истории. Основная задача советской исторической науки связывалась с поиском исторической

¹ Лекционные материалы могут быть использованы при изучении дисциплин «Историография истории России», «История исторической науки», подготовке спецкурсов для студентов, обучающихся по специальности «История».

правды, изучением «белых пятен истории». Верность марксистско-ленинскому учению, принципу партийности сомнению не подвергалась. Тем не менее, ведущее положение в науке стало занимать формационно-ревизионистское направление, потеснившее монополю господствующее до второй половины 1980-х гг. ортодоксально-формационное [6, с. 6].

Обновление в исторической науке связывалось с раскрытием творческих возможностей марксизма, не задействованных прежде (многие обществоведы принялись за тщательное изучение работ классиков), а также развитием новых методов исторических исследований. Дискуссии по методологическим проблемам советской исторической науки происходили в русле обсуждений трудов признанных специалистов в области методологии истории В. В. Иванова, Б. Г. Могильницкого, М. А. Барга, А. Я. Гуревича и т. д.

Особый интерес среди историков вызвало обсуждение работы И. Д. Ковальченко «Методы исторического исследования» (1987), с которой началось проникновение в советскую науку новых исследовательских приёмов и методов, прежде всего количественных, метода моделирования исторических процессов и т. д. Новой идеей, способной теоретически объяснить «деформации» социализма, стала идея альтернативности исторического развития, которая была обоснована в работе П. В. Волобуева «Выбор путей общественного развития: теория, история, современность» (1987). Эту проблему активно обсуждали И. Д. Ковальченко, Б. Г. Могильницкий, Н. Я. Эйдельман и другие.

Между тем набирал обороты публицистический бум, начался пересмотр традиционных вопросов советской истории, на фоне которого всё больше звучали обвинения в адрес советской историографии, высказывались сомнения в научности марксизма, его категорий и т. д. Е. Б. Заболотный и В. Д. Камынин считают, что в условиях советского режима критика марксистской методологии не могла начаться без сигнала «сверху», и указывают на работу М. С. Горбачёва «Социалистическая идея и революционная перестройка», вышедшую в свет в конце 1989 г. В ней

была развёрнута критика марксистской ортодоксии, указано на ошибки теоретического прогноза Маркса относительно возможностей саморазвития капитализма. 1989–1990 гг. стали временем всё большей критики революции и её вождей, в целом всего советского строя.

Изменение политических отношений, раскрепощение общественного сознания, ломка идейных стереотипов вызвали неприятие в обществе той картины исторического прошлого, которая была создана в прежние годы усилиями советских историков. Дискредитация общественного статуса советской историографии приводила к радикальной критике самих оснований советской исторической науки. В результате советская историография вступает в полосу глубокого кризиса.

Советские историки неоднозначно относились к критике, звучащей в их адрес. Среди них стали обособляться различные направления и течения. И. Чечель выделила два историографических направления конца 1980-х – начала 1990-х гг., которые отличались своим отношением к традициям советской исторической науки. *Первое* направление, к которому она относит С. Л. Тихвинского, П. Н. Федосеева, А. М. Самсонова, С. С. Хромова, Ю. С. Кукушкина, М. Г. Вандалковскую, В. Г. Овчинникова и других, заявляло о высокой значимости, научной эффективности советской историографии, считало, что теоретический фундамент советской исторической науки не нуждается в изменениях. Методы марксистской науки являлись универсальными познавательными средствами изучения любых исторических проблем. Историки этого направления по-прежнему указывали на превосходство советской историографии над западной.

Чем же сторонники советской историографической традиции объясняли падение авторитета исторической науки в годы перестройки? Они считали, что это связано с недочётами пропагандистской работы учёных-историков, а также недостатками стиля изложения исторических трудов. Учитывая начавшийся «разброд» в рядах историков, они подчёркивали необходимость методологического единства историографии,

а гарантией научности признавали единство идеологической и методологической парадигм историографии. Эти историки по-прежнему ориентировались на идеологические запросы КПСС, с ними связывали политико-воспитательные функции исторической науки, исследовательскую проблематику учёных. Сторонники советских традиций продолжали подчёркивать научность, непреходящую ценность, объективность советской исторической науки, настаивали на окончательном решении советской историографией научных проблем (признание «окончательных» бесспорных истин, которые не требуют обсуждений).

Второе направление следует называть «критическим». Среди его представителей особенно выделялись политизированные профессионалы. Прежде всего, речь идёт о Ю. Афанасьеве. И современники, и исследователи этой эпохи однозначно выделяют его, как самого активного борца с консерватизмом советской историографии. К единомышленникам Ю. Афанасьева относились В. Поликарпов, В. Сироткин, Л. Баткин, Д. Волкогонов и др. Выступления и статьи этих историков особенно были полемически заострены, в них преобладал пафос отрицания, по стилю они были очень близки к публицистике. Менее идеологизированную позицию занимали В. А. Козлов, С. В. Кулешов, П. В. Волобуев, К. Ф. Шацилло, Н. Н. Маслов, В. С. Лельчук, Ю. С. Борисов, Р. А. Медведев, В. П. Данилов, М. А. Барг, М. Я. Гефтер, Г. А. Бордюгов, Б. Г. Могильницкий, А. Я. Гуревич и другие [7]. Представители «критического» направления выработали свои взгляды на проблему научности исторической науки и выдвинули группу критических по отношению к советской историографии идей:

- «историческое сознание само есть историческое явление», которое в процессе исторического развития претерпевает изменения, поэтому следует признать теоретическую самоисчерпанность советской исторической науки, уже не отвечающей запросам современности, мифологизированной и догматизированной;

- «истины в последней инстанции» в науке не может быть, она лишь задер-

живает эволюцию науки, противоречит исторической динамике;

- наука только тогда будет отвечать требованиям современности, станет объективной, когда откажется от идейных трафаретов, тематического, методологического «коллективизма»;

- «объективно-научным» может быть только максимально деидеологизированное историческое знание, вбирающее в себя всю множественность исследовательских подходов;

- историк может использовать в историческом исследовании какие-либо политические идеи исходя из своих собственных взглядов, а не навязанных ему извне;

- необходимы ревизия методологических принципов советской историографии, отказ от изоляции и восприятия зарубежной исторической науки как инструмента идеологической борьбы с СССР; отечественная историческая наука должна быть включена в общемировой «гуманитарный контекст»;

- оценочные критерии результатов исторического исследования должны исходить из внутренней логики предмета исследования, а не измеряться идеологической меркой классового подхода.

Основным требованием критического направления советской историографии периода перестройки стала «методологическая революция», смысл которой сводился к использованию «положительных знаний», накопленных в различных методологических направлениях и концепциях. Г. А. Бордюгов и В. А. Козлов писали: «Объективное знание может быть результирующим вектором различных научных позиций». Они утверждали, что история должна постигаться «из неё самой, а не из того смысла, которое она заимствует в настоящем» [7]. Надежды на методологическую революцию были связаны с диалогом советских историков с западной историографией, которая должна была способствовать развитию многовариантности подходов и мнений.

Изменение отношения к западной историографии началось в 1987 г., когда 1 июня редакция журнала «История СССР» провела «круглый стол» «Современная немарксистская историография и советская историческая наука» [5].

Советские историки признали, что и западные историки могут вполне объективно трактовать историю СССР. Новая эпоха в отношениях с западной историографией начинается с «круглого стола» советских и американских учёных в январе 1989 г. [2]. Однако отечественные историки вели речь не о прямом заимствовании методологических направлений западной науки, а о выработке новых теорий исторического процесса, в которых можно было бы синтезировать, объединить воедино достижения всемирной исторической науки. К последним они относили и философское, теоретико-методологическое наследие дореволюционной российской науки, а также русского зарубежья.

При всей открытости советских историков критического направления для восприятия новых методологических подходов, на рубеже 1980-х – 1990-х гг. в отечественной историографии преобладали сторонники *формационного* подхода. Однако начался поиск и неформационных парадигм осмысления прошлого. Он проявлялся в эти годы в интересе к *цивилизационным* концепциям. В отечественной науке начинается бурное обсуждение плюсов и минусов формационного и цивилизационного подходов. Представители первого считали возможным обогатить его за счёт категорий последнего, устранив слабые стороны марксизма, и тем самым выйти из методологического кризиса. Всё больший интерес для историков стали представлять западные методологические направления в лице французской школы «Анналов», исторической антропологии, гендерной истории. Особую роль в этом процессе сыграл А. Я. Гуревич, призывавший изучать социальную и культурную историю, а не только политическую и экономическую. Сам А. Я. Гуревич задолго до перестройки следовал этому принципу и стал проводником влияния традиций школы «Анналов» в российскую науку. Всё большую популярность стал приобретать культурологический подход к анализу истории.

В последние годы перестройки появились и первые оригинальные концепции российской истории, разработанные в русле цивилизационного подхода. Правда, созданы они были на-

много раньше, но получили известность лишь сейчас. Речь идёт о концепции этногенеза Л. Н. Гумилёва, близкого к взглядам евразийцев. Работы Л. Н. Гумилёва сыграли важную роль в пробуждении интереса учёных, общества к давним вопросам российской исторической и историософской мысли о месте России в мире, путях её исторического развития, её сходства и различий с западной и восточной цивилизациями. Осмысление российской истории с позиций цивилизационного подхода было предпринято также философом и культурологом А. С. Ахиезером, который ещё в 70-е гг. разработал теорию циклического развития России, показав природу раскола русской культуры и общества, механизм адаптации русской культуры к расколу. Бурное обсуждение социокультурной теории А. С. Ахиезера, представленной в трёхтомнике «Россия: критика исторического опыта» (1991), пришлось уже на первую половину 1990-х гг.

В годы перестройки некоторые советские историки стали осваивать модернизационную парадигму исторического развития. Правда, в эти годы историки больше использовали понятийный «инструментарий» теории модернизации, в целом придерживаясь марксистско-ленинской теории общественно-экономических формаций. Это характерно для работы И. К. Пантина, Е. Г. Плимака, В. Г. Хорос «Революционная традиция в России» (1986), в центре которой была представлена теория «эшелонов капиталистического развития». Авторы представили первый опыт рассмотрения некоторых проблем исторического развития различных стран в контексте теории модернизации, поставив вопросы «органической» и «догоняющей» модернизации. Т. Д. Крупина, И. В. Поткина, Н. Б. Селунская в своих публикациях предприняли анализ теории модернизации, представленной в трудах зарубежных учёных [4, с. 196–206]. Таким образом, отечественные историки, оставаясь в своём большинстве сторонниками формационного подхода, проявили интерес к различным методологическим направлениям мировой науки и начали изучать и анализировать её достижения.

Конец 1980-х – начало 1990-х гг. стали временем чрезмерной политизации

исторических трактовок прошлого и самой исторической науки. Научные позиции советских историков были зачастую тесно связаны с их политическими взглядами, тем более всё российское общество, в особенности интеллектуальная элита, размышляло, митинговало, спорило не только о прошлом, но о настоящем и будущем, выстраивало разные перспективные модели развития. В историографии уже прочно утвердилось мнение о размежевании историков в эти годы на три основных направления: *консервативно-коммунистическое*, отстаивавшее социалистический путь развития и марксизм как методологию науки (предлагали двигаться «вперёд – к Ленину»); *реформационно-социалистическое*, выступавшее за однонаправленность развития к социализму, но понимавшее исторический процесс как цепь разнообразных альтернатив, как воплощение стихийного или осознанного выбора народных масс (марксизм необходимо дополнить достижениями западной методологии); *либерально-критическое*, разорвавшее с советской историографической традицией и формационным подходом, ориентировавшееся преимущественно на цивилизационный подход, вставшее на позиции антикоммунизма [3, с. 457–477; 1, с. 58–59]. Кроме трёх основных направлений, в последние годы перестройки активизировались представители «почвеннического», или националистического направления, идеализировавшие дореволюционную Россию, развивавшие в последующие годы тему «мирового заговора злых сил против России» в Октябрьской революции.

Развитие политических процессов в стране в 1990–1991 гг., приведшее к краху союзное руководство и коммунистическую партию, сыграло важную роль в окончательном кризисе марксистско-ленинской методологии, выступавшей основой советской историографии. Советская историческая наука перестала представлять некий монолит, сплочённый одной методологией, концепцией, выполняющей пропагандистско-идеологические функции в обществе. Прежняя система взаимоотношений историков с властью была разрушена, наука теряла инициативу в формировании историче-

ского сознания общества, публицистика всё больше утверждала мысль о несостоятельности советской исторической науки. Кризис марксистско-ленинской методологии создал условия для становления научного плюрализма и вступления отечественной исторической науки в новый этап своего развития.

Библиографический список

1. Заболотный Е. Б., Камынин В. Д. Историческая наука России в конце XX – начале XXI века. – Тюмень, 2004. – 208 с.
2. «Круглый стол» советских и американских историков // Вопросы истории. – 1989. – № 4. – С. 97–117.
3. Логунов А. П. Кризис исторической науки или наука в условиях общественного кризиса: отечественная историография второй половины 1980-х – начала 1990-х гг. // Советская историография. – М., 1996. – С. 457–477.
4. Поткина И. В., Селунская Н. Б. Россия и модернизация (в прочтении западных учёных) // История СССР. – 1990. – № 4. – С. 194–206.
5. Современная немарксистская историография и советская историческая наука // История СССР. – 1988. – № 1. – С. 172–202.
6. Согрин В. В. Современная историографическая ситуация в России // Историк в меняющемся пространстве российской культуры. – Челябинск, 2006. – С. 6 (дополнение).
7. Чечель И. «Профессионалы истории» в эру публицистичности: 1985–1991 гг. URL: <http://gefter.ru/archive/6697> (дата обращения: 15.12.2013).

Bibliograficheski spisok

1. Zabolotnyj E. B., Kamynin V. D. Istoricheskaja nauka Rossii v konce XX – nachale XXI veka. – Tjumen, 2004. – 208 s.
2. «Kruglyj stol» sovetских i amerikanskih istorikov // Voprosy istorii. – 1989. – № 4. – S. 97–117.
3. Logunov A. P. Krizis istoricheskoi nauki ili nauka v uslovijah obshhestvennogo krizisa: otechestvennaja istoriografija vtoroj poloviny 1980-h – nachala 1990-h gg. // Sovetskaja istoriografija. – M., 1996. – S. 457–477.
4. Potkina I. V., Selunskaja N. B. Rossija i modernizacija (v prochtenii zapadnyh uchjonyh) // Istorija SSSR. – 1990. – № 4. – S. 194–206.
5. Sovremennaja nemarksistskaja istoriografija i sovetская историческая наука // Istorija SSSR. – 1988. – № 1. – S. 172–202.
6. Sogrin V. V. Sovremennaja istoriograficheskaja situacija v Rossii // Istorik v menjajushhemsja prostranstve rossijskoj kultury. – Cheljabinsk, 2006. – S. 6 (dopolnenie).
7. Chechel I. «Professionaly istorii» v jeru publicistichnosti: 1985–1991 gg. URL: <http://gefter.ru/archive/6697> (data obrashhenija: 15.12.2013).

© Басырова С. Г., 2015